

DOI 10.25991/AE.2019.64.76.021
УДК 821. 161. 1

Н. Н. Примочкина

Примочкина Наталья Николаевна — доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ В ПАМФЛЕТАХ И ОЧЕРКАХ ГОРЬКОГО ОБ АМЕРИКЕ

В статье рассматриваются фантастические сюжеты и демонологические образы в сатирических памфлетах и фельетонах Горького, написанных им по впечатлениям от жизни в Соединенных Штатах Америки в 1906 г., выявляется их особый философский и социально-политический смысл, устанавливается их связь с русской литературной традицией, одновременно показывается подлинное новаторство Горького-художника в освоении этой темы. Анализ этих произведений Горького позволяет прийти к выводу, что писатель, обращаясь к образу дьявола, пытался в яркой художественной форме выразить свою философскую мысль о всеобщем несовершенстве жизни и населяющих Землю людей, причем дьявол зачастую играет в них роль того персонажа, с помощью которого выявляются человеческие грехи и пороки общественного устройства.

Ключевые слова: М. Горький, творчество, демонологические сюжеты и образы, философский и социально-политический смысл.

N. N. Primochkina

FANTASTIC PLOTS AND CHARACTERS IN PAMPHLETS AND ESSAYS OF GORKI ABOUT AMERICA

In the article demoniacs plots and characters are examined in satiric pamphlets and satirical articles of Gorki, written to them on the impressions from life in the United States of America in 1906, their special philosophical and socio-political sense comes to light, their connection is established with Russian literary tradition, the authentic innovation of Gorki-artist is simultaneously shown in mastering of this theme. The analysis of these works of Gorki allows to come to the conclusion, that a writer, calling to character of devil, tried in a bright artistic form to express the philosophical idea about universal imperfection of life and inhabiting Earth people, thus a devil frequently plays them the role of that personage human sins and vices of public device come to light by means of that.

Keywords: M. Gorki, work, demoniacs plots and characters, philosophical and socio-political sense.

Глубокий кризис мировой культуры конца XIX — начала XX в., кризис буржуазного гуманизма, переоценка моральных, духовных и эстетических ценностей, — все это пробудило не только в обществе, но и среди ведущих философов, писателей, художников и музыкантов повышенный интерес к мистике, сверхъестественному, демоническому, к демонологии.

В России в предреволюционные годы появляется много переводных и отечественных трудов по демонологии. В это время выходит перевод книги известного французского историка Ж. Мишле «Ведьма» [3]. Общий интерес к демонологии отражал петербургский журнал «Изида», посвященный оккультным наукам (1909–1916). В свою очередь московский журнал «Золотое руно», например, в 1906 г. даже объявил конкурс на лучшую разработку «модной» темы Дьявола среди литераторов и художников. Среди отечественных трудов по демонологии, вышедших в это время, следует упомянуть о работе А. В. Амфитеатрова «Дьявол. Дьявол в быте, легенде и в литературе Средних веков» [1], книге Ф. А. Рязановского «Демонология в древнерусской литературе» [5] и др. Анализ образа дьявола в литературе и культуре от Средневековья до нового времени посвящено исследование В. М. Фриче «Поэзия кошмаров и ужаса. Несколько глав из истории литературы и искусства на Западе» [8].

Неразрывно связанный с художественной культурой Серебряного века, будучи ее ярчайшим представителем, Горький не мог пройти мимо этого всеобщего повышенного интереса к демонологии. Отметим, что писатель был знаком со многими из вышеназванных трудов. Книга Мишле «Ведьма», а также переведенный несколько позже на русский язык знаменитый трактат XV в. монахов-инквизиторов Я. Шпренгера и Г. Инститориса (Г. Крамера) «Молот ведьм» [10], в котором излагалась история общения человека с дьяволом, до сих пор хранятся в личной библиотеке Горького. На первой из книг сохранились пометы писателя. Горький на протяжении многих лет был знаком и дружески сотрудничал с одним из самых больших знатоков европейской и русской демонологии, писателем А. В. Амфитеатовым, многие труды которого также сохранились в горьковской библиотеке.

Демонической теме особое внимание на рубеже XIX–XX вв. уделяли писатели Д. С. Мережковский и В. Я. Брюсов, А. М. Ремизов и Ф. К. Сологуб, А. А. Блок и А. Белый, художники М. А. Врубель и М. В. Добужинский, композиторы А. Н. Скрябин и А. Г. Рубинштейн и многие другие. Изучению этой темы в творчестве названных деятелей культуры посвящено множество серьезных монографических исследований и популярных статей. Горькому в данном случае повезло гораздо меньше. Он еще с до-революционных времен был причислен «передовой»

критикой к писателям-демократам, писателям-революционерам, реалистам-бытовикам. Эта традиция не только не была нарушена, но еще более усилилась и распространилась в советское время. И даже в последние тридцать лет, после снятия идеологических запретов, «темным» сторонам горьковского творчества, его неоднозначным, фантастическим образам и произведениям ученые не уделяли достаточного внимания, оставляя их в тени.

Разумеется, в данной небольшой статье мы не ставили перед собой задачу ликвидировать этот «пробел» в исследовании творчества большого писателя, выявить и проанализировать демонологические сюжеты и образы во всех его произведениях, проследить их эволюцию на протяжении всего литературного пути Горького, начиная с ранних «святочных» рассказов до послереволюционной прозы и драматургических замыслов 1920-х — 1930-х гг. (См. об этом [4]). Мы сосредоточимся всего на нескольких произведениях писателя, в которых нашли отражение его впечатления от пребывания в Соединенных Штатах Америки. Хотя памфлеты и очерки Горького об Америке широко известны и не раз становились предметом пристального анализа со стороны историков и литературоведов, фантастическим, демонологическим сюжетам и образам, несущим в них значительную смысловую нагрузку, не уделялось достаточного внимания.

Активному участнику русской революции 1905 г., Горькому пришлось после ее поражения, чтобы избежать ареста, срочно покинуть Россию и уехать за границу. Около восьми месяцев писатель прожил в Соединенных Штатах Америки. В этой передовой демократической стране Горький столкнулся с грубым неприятием его личности, его поведения, его взглядов. Писатель подвергся настоящей травле в американской прессе. Американское общество, зараженное ненавистной Горькому ханжеской пуританской моралью, не могло простить писателю того, что он осмелился открыто прибыть в эту страну с невенчанной гражданской женой, актрисой М. Ф. Андреевой. «Историю с Андреевой, — замечает современный исследователь, — писатель воспринял как грубое вмешательство в его личную жизнь, как попрание свободы, воплощением которой была для него Америка» [6, с. 76].

Прославленный в России и Европе писатель, обожаемый передовой частью русского общества, буквально носившей его на руках, Горький был поражен и оскорблен таким приемом. Он был смелым человеком, в молодости один выступил против целой деревни мужиков, истязавших женщину, за что был до полусмерти избит и попал в больницу. И теперь писатель, не раздумывая, вступил в открытый бой со всей неисчислимой ратью американских журналистов и разного рода «жрецов морали», и начал наотмашь бить их тем, чем владел лучше всего — словом.

Так весной и летом 1906 г. Горьким были созданы два цикла очень ярких, эмоционально насыщенных памфлетов и очерков «Мои интервью» и «В Аме-

рике». Но художественное качество его выступлений при этом пострадало. Порою им не хватало необходимой для искусства эстетической тонкости, гармонии и соразмерности. В Европе новые произведения Горького активно печатались и имели успех у прогрессивной интеллигенции. В России реакция на его выступления была скорее отрицательной. Не вникая в обстоятельства создания этих новых вещей писателя, представители либеральной интеллигенции и творческой элиты заговорили в связи с их появлением о падении его таланта, о «безвкусном пафосе», «напыщенном проповедничестве», «грубости вместо юмора», даже о «конце» Горького-художника [2, с. 525]. Назвав свою нашумевшую статью, посвященную последним произведениям писателя, — «Конец Горького» [7, с. 127], Д. В. Философов, конечно, «перегнул палку». Но справедливости ради приходится признать, что критика художественной составляющей сатирических памфлетов Горького была во многом справедливой.

Все сказанное выше в полной мере относится и к памфлету «Хозяева жизни» из цикла «Мои интервью», не очень органично соединившему в себе патетику социалистических идей с едкой критикой «сильных мира сего». Главный герой этого произведения — Дьявол. Он приводит автора-рассказчика на кладбище, раскрывает могилы и поднимает из них жуткие скелеты полусгнивших мертвецов — бывших «хозяев жизни», которые «отчитываются» перед ним в своей бывшей деятельности по созданию законов, порабоощающих человеческую свободу.

Сюжетно памфлет напоминает ранний рассказ Горького «О черте» (1898), в котором дело происходило тоже темной осенней ночью на кладбище. В нем черт тоже поднимал из могилы мертвеца, бывшего писателя, чтобы показать ему жизнь его семьи после его смерти.

В памфлете «Хозяева жизни» нарисован настоящий Судный день, когда все мертвецы, один страшнее другого, восстали по приказу своего Хозяина из могил. Горький достаточно детально описывает внешность могущественного Дьявола. Разговаривая с автором-рассказчиком, «он смеялся при этом острым смехом презрения к людям, обливая траву могил, плесень памятников зеленоватым блеском холодного взгляда тоскливых глаз», голос его был подобен «сырому дуновению ветра осени, и голос его вызывал дрожь в теле <...> и в сердце...» [2, с. 222]. Писатель попытался придать своему герою возвышенный и одновременно страшный облик, напоминающий Демона М. Ю. Лермонтова, или образы могучих демонов с картин М. А. Врубеля. Горьковский Дьявол «широко простирает крылья», кричит «железным голосом владыки», его зеленые глаза ярко горят как «холодные звезды». В финале памфлета «он встал и мощно расправил крылья <...> и полетел на запад» [2, с. 236].

Но, в отличие от романтических образов Демона у Лермонтова и Врубеля, Дьявол Горького — это чисто аллегорический условный образ, маска.

На этот раз Горький сделал своего героя — Дьявола своим alter ego, выразителем собственных идей и мыслей, настоящим социалистом, борцом против буржуазного строя, буржуазных законов и порядков, революционером, провозглашающим скорое пришествие Страшного суда (читай — революции) на земле.

«— Мы устроим теперь небольшой парад мертвцов, репетицию Страшного суда! — говорил Дьявол, шагая впереди меня по змеиной тропе, среди холмов и камней. — Ты знаешь, Страшный суд будет! Он будет на земле, и день его — лучший день ее! Он наступит, этот день, когда люди сознают все преступления, совершенные против них учителями и законодателями жизни, теми, которые разорвали человека на ничтожные куски бессмысленного мяса и костей. Всё, что живет теперь под именем людей, — это части, цельный человек еще не создан. Он возникнет из пепла опыта, пережитого миром, и, поглотив опыт мира, как море лучи солнца, он загорится над землей, как еще солнце. Я это увижу! Ибо я создаю человека, я создам его!» [2, с. 229].

Как видим, писатель вложил в уста Дьявола не только социалистические, но и свои любимые богостроительские идеи, которые нашли отражение и в других его произведениях, например, в монологах Сатина из пьесы «На дне», романе «Мать», повести «Исповедь».

В конце памфлета Горький попытался объяснить весь нарисованный им фантастический «ужастик» вполне реалистически. Он ему, якобы, просто пришился.

Свое полное неприятие механической, антигуманной цивилизации, с которой Горький познакомился сразу по приезде в Нью-Йорк, он выразил в цикле очерков «В Америке». Уже в первом из них, очерке «Город Желтого Дьявола» Горький опять прибегнул к страшному и омерзительному образу духа тьмы, чтобы сильнее выразить свои чувства ужаса и отвращения. Современный промышленный город Нью-Йорк он сравнивает здесь со злобным дьяволом, в желудке которого перемалываются и перевариваются живые люди, превращаясь в золото. Писатель не жалеет самых мрачных красок, самых сильных эпитетов, сравнений и метафор, создавая поистине апокалиптическую картину жизни людей в этом земном аду:

«Издали город кажется огромной челюстью, с неровными, черными зубами. Он дышит в небо тучами дыма и сопит, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него, чувствуешь, что ты попал в желудок из камня и железа, — в желудок, который проглотил несколько миллионов людей и растирает, переваривает их.

Улица — скользкое, алчное горло, по нему куда-то вглубь плывут темные куски пищи города — живые люди. Везде — над головой, под ногами и рядом

с тобой — живет, грохочет, торжествуя свои победы, железо. Вызванное к жизни силою Золота, одушевленное им, оно окружает человека своей паутиной, глушит его, сосет кровь и мозг, пожирает мускулы и нервы и растет, растет <...>

Я впервые вижу такой чудовищный город, и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так порабощены. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой, каковы они в этом жадном и грязном желудке обжоры, который впал от жадности в идиотизм и с диким ревом скота пожирает мозги и нервы...» [2, с. 238, 240, 241–242].

Отметим, что нарисованная Горьким чудовищная картина, видимо, создана им под влиянием многочисленных изображений дьявола, пожирающего грешников, которыми изобиловали церковные фрески, средневековые картины и гравюры.

Горький был не одинок в подобном фантастическом восприятии западной индустриально-урбанистической цивилизации. Интересно отметить, что такой, казалось бы, далекий писателю по своим творческим установкам художник-символист, художник «Мира искусства», как М. В. Добужинский в это же самое время, в 1906–1907 годах, посетив Лондон и другие европейские столицы, создает серию графических работ «Городские сны», весьма близких по своему настроению к очерку «Город Желтого Дьявола». В отличие, скажем, от художников-футуристов, Добужинский в этих работах вовсе не воспекает промышленный город-муравейник с его нагромождениями небоскребов и бешеными скоростями современной техники. Напротив, он ему внушает, как Нью-Йорк Горькому, почти мистический ужас. Среди этих рисунков можно выделить один, на котором изображен злобный, черный, как копоть, дьявол. Он сидит высоко над крышами и фабричными трубами большого города, на вершине огромного подъемного крана, хищно вытянув голову, будто высматривая очередную человеческую жертву.

В следующем очерке цикла «В Америке» под заглавием «Царство скуки» Горький описал убогие развлечения простых американцев в парке на островке Кони Айленд. Среди прочего его привлекло театрализованное представление на тему ада с грешниками, чертями и фигурой сатаны. На этот раз изображаемый Горьким ад — не «настоящий», как в очерке «Город Желтого Дьявола», а искусственно созданный для развлечения и назидания публики. Но от этого он становится еще более мерзким и противным:

«Ад сделан из папье-маше, окрашенного в темно-красный цвет, всё в нем пропитано огнеупорным составом и густым, грязным запахом какого-то жира. Ад очень скверно сделан, он способен вызвать отвращение даже у человека весьма нетребовательно. Он представляет собой пещеру, хаотически за-

валенную камнями и наполненную красноватым сумраком. На одном из камней сидит Сатана в красном трико, искажая разнообразными гримасами свое худое коричневое лицо, и потирает руки, как человек, который сделал выгодное дело. Ему, должно быть, очень неудобно сидеть — бумажный камень трещит и качается, но он будто бы не замечает этого, наблюдая, как внизу, у его кривых ног, черти расправляются с грешниками.

Вот девушка купила новую шляпку и смотрит на себя в зеркало, довольная и веселая. Но сзади к ней подкрадывается пара небольших, видимо, очень голодных чертей, они схватывают ее под мышки, она визжит, — поздно! Черти кладут ее в длинный гладкий жёлоб, который круто опускается в яму среди пещеры, из ямы идет серый пар, поднимаются языки огня, сделанного из красной бумаги, и девушка, вместе с зеркалом и шляпой, съезжает на спине по жёлобу в эту яму. Молодой парень выпил стакан водки — черти немедленно спускают и его туда же, под пол сцены. <...> Девица вытащила несколько монет из кошелька своего собеседника, — и в тот же миг черти расправляются с ней, к удовольствию Сатаны, который радостно болтает ногами и гнусаво хихикает. Черти сердито косятся на бездельника и озлобленно швыряют в пасть огненной ямы всех, кто случайно — по делу или из любопытства — заходит в ад. <...>

В заключение этой страшной истории из угла пещеры является до отвращения красивый ангел. Он подвешен на проволоке и двигается в воздухе через всю пещеру, держа в зубах деревянную дудку, оклеенную золотой бумагой. Сатана, увидав его, ныряет, подобно ершу, в яму вслед за грешниками, раздаётся треск, бумажные камни валятся друг на друга, черти радостно бегут отдохнуть от работы, — занавес опускается. Публика встает и уходит. Некоторые осмеливаются смеяться, большинство людей сосредоточенно. Может быть, они думают: «Если и в аду так мерзко, — пожалуй, не стоит грешить» [2, с. 255–257].

Горький не раз повторял известную истину, что ложь — это естество, суть характера дьявола, сатаны. Рисуя мрачную картину американского развлекательного ада, писатель наглядно показывает, что в этом плохо придуманном, искусственном, крашено-бумажном аду может быть еще противнее, чем в «настоящем», ибо здесь ложь, умноженная на ложь, многократно увеличивается и становится ложью в квадрате.

Выше мы отмечали, что на мрачное восприятие Горьким Америки в какой-то степени могли повлиять его личные обстоятельства. И все же объяснять гневное отрицание Горьким американской цивилизации и американского образа жизни только этими, хотя и досадными, но все же частными неприятностями, было бы большим упрощением. Американские очерки Горького и другие его высказывания о США — яркое свидетельство того, что задолго до знакомства с книгой немецкого философа

О. Шпенглера «Закат Европы» [9] он (как и некоторые другие русские мыслители и художники рубежа веков) различал и разграничивал такие основополагающие для культурологии категории, как культура и цивилизация. Низко преклоняясь перед достижениями европейской культуры, писатель не принимал уродство и механицизм современной цивилизации, «наивысшие», крайние формы которой он мог наблюдать в «свободной» Америке. В сущности, отношение Горького к западному миру, каким он предстал его взору в Америке, мало чем отличалось от отрицания западной цивилизации русскими писателями-символистами. Все они, начиная от Д. С. Мережковского и кончая А. Белым и А. А. Блоком, воспринимали и изображали мир Запада (и его российское «отражение» — Петербург) в апокалиптических тонах, как царство греха, бездуховности и мещанства, где правит бал Сатана.

Подводя итоги, заметим: Горький обнаружил склонность к фантастике, к фантастическому изображению действительности с первых творческих шагов, с ранних святочных рассказов и фельетонов. Чтобы ярче выразить свои размышления и чувства, вызванные его пребыванием в Соединенных Штатах Америки, Горькому также пришлось прибегнуть к фантастическим образам современной американской цивилизации, которая предстала в его сатирических памфлетах «Мои интервью» и очерках «В Америке» как подобие земного ада во главе с его хозяином — дьяволом.

Хотя писатель в изображении западной цивилизации, вероятно, опирался на традиции мировой и русской литературы, он сумел проявить подлинное новаторство в освоении этой темы. Фантастический образ дьявола, к которому Горький прибегнул в памфлетах и очерках об Америке, был не мистическим, а аллегорическим. Он выражал очень важные для писателя социально-политические мысли и революционные, социалистические идеи. Анализ этих произведений позволяет прийти к выводу, что писатель обращался к этому религиозному и сказочному персонажу, чтобы в яркой художественной форме выразить свою философскую мысль о всеобщем несовершенстве жизни и населяющих Землю людей, причем дьявол как персонификация мирового зла играл в них роль той лакмусовой бумажки, с помощью которой выявлялись человеческие грехи и общественные пороки социального устройства.

Литература

1. Амфитеатров А. В. Дьявол. Дьявол в быте, легенде и литературе средних веков // Амфитеатров А. В. Собр. соч. Т. 18. СПб.: Книгоиздательство т-ва «Просвещение», 1913.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 6. М.: Наука. 1970.
3. Мишле Ж. Ведьма. М.: Современные проблемы, б. г.
4. Примочкина Н. Н. Семантика образа черта в творчестве М. Горького // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 1. Январь-март. С. 19–24.

5. Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М.: Печатня А. И. Снегиревой. 1915.
6. Суматохина Л. В. Выступления М. Горького в Америке // Публицистика М. Горького в контексте истории. — М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 8. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 73–94.
7. Философов Д. В. Конец Горького // Русская мысль. 1907. № 4. Отд. II.
8. Фриче В. М. Поэзия кошмаров и ужаса. Несколько глав из истории литературы и искусства на Западе. М.: Т.Д. «Художественная печать», 1912.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. Образ и действительность. М.; Пг.: Изд. Л. Д. Френкель, 1923.
10. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М.: Атеней, 1930.